

Лейкин Николай Александрович

**Сватовство профессора.
Ефим и Катерина. Роман.
Повесть**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Сватовство профессора. Ефим и Катерина. Роман. Повесть / Лейкин Николай
Александрович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 305 с.

ISBN 978-5-519-92954-7

ISBN 978-5-519-92954-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СВАТОВСТВО ПРОФЕССОРА.

Р О М А Н Ъ.

НОВЫЙ ПОВОРОТЪ.

Представитель торговой фирмы Петра Куролесова племянники, Емельянъ Ивановичъ Куролесовъ проснулся у себя въ кабинетѣ послѣ послѣобѣденнаго сна, нажалъ пуговку электрическаго звонка и потребовалъ у явившагося лакея себѣ квасу. Напившись квасу, Емельянъ Ивановичъ закурилъ сигару, прошелся раза два по кабинету, сѣлъ, опять прошелся, потеръ ладонью лобъ и снова нажалъ пуговку электрическаго звонка.

Лакей во второй разъ появился въ дверяхъ кабинета.

— Позови сюда Елизавету Тихоновну.

Не прошло и минуты, какъ въ кабинетъ вплыла супруга Емельяна Ивановича, полная, рыхлая дама. Сзади ея слѣдовали въ припрыжку двѣ дочери, молоденькія дѣвушки—Зина и Таня.

— Проснулся? заговорила жена.—Ну, вотъ и отлично. Не поѣдемъ-ли мы сегодня въ Коммерческое

собрание? Тамъ сегодня танцевальный вечеръ. Зиночка и Таня такъ давно не были въ обществѣ.

— Послѣ, послѣ объ этомъ... Я съ тобой о другомъ поговорить хотѣлъ. Дѣвчонки вонъ! Уходятъ... Что это за манера такая, что вездѣ съ ушами!..

— Ежели вы папашенька, будете разговаривать, то мы опоздаемъ въ собрание. Вѣдь ужъ и теперь девятый часъ, слышался ропотъ у дѣвицъ.

— А опоздаемъ, такъ и прекрасно. Вонъ! Съ Богомъ...

Дѣвушки съ неудовольствіемъ удалились. Емельянъ Ивановичъ сѣлъ въ кресло, тяжело вздохнулъ и сказалъ женѣ:

— Садись и ты.

Жена опустилась въ кресло и пробормотала:

— Что это у тебя за таинственность такая! Всегда съ фокусами.

— Объ важномъ дѣлѣ говорить желаю, такъ нельзя-же на всю квартиру кричать.

Емельянъ Ивановичъ затянулся сигарой, выпустилъ большую струю дыма, крикнулъ и началъ:

— Дочери у насъ уже теперь на возрастѣ, Зинаида и Татьяна... Вотъ я хотѣлъ о чемъ... Да... Совсѣмъ уже на возрастѣ... А ты ни тпру, ни ну...

— Вывозить надо... Вотъ поэтому-то я и хотѣла сегодня въ Коммерческое собрание...

— Что вывозить! Не такъ надо дѣйствовать. Какіе тамъ женихи!

— Какъ какіе! Вѣдь ты-же и самъ тамъ бываешь... Купецъ къ купцу... Фирма къ фирмѣ и все, какъ на подборъ, родовитая купеческая аристократія,—отвѣчала жена.

— Нынче я, матушка, купеческую аристократію ни во что не ставлю.

— Самъ изъ купеческой аристократіи и такія слова говоришь!

— А что-же такое? Опытъ доказалъ. Вонъ Просяниковъ... Ужъ на что аристократъ изъ аристократовъ въ купечествѣ. Мукосѣва зять... Именитой купеческой родней подавился, кредиты имѣлъ—бери—не хочу, а вотъ свихнулся и бѣжалъ. Нѣтъ я теперь на всякаго купца смотрю, какъ на акробата, пляшущаго на канатѣ. Все балансируетъ, все стоитъ твердо, а ужъ когда-нибудь да и сверзится. Богъ съ ними, съ купцами...

— Самъ купецъ и такія слова... удивлялась супруга.

— Да, самъ купецъ и такія слова, подтвердилъ Емельянъ Ивановичъ.

— Такъ кого-же ты себѣ въ зятя прочишь?

— Надо искать по другимъ профессіямъ. Есть доктора, есть инженеры, есть путейцы.

— Ну, ужъ путейцы... Теперь того и гляди, что каждый изъ нихъ на подсудимую скамейку.

— Ну, архитекторы. Да мало-ли тамъ... Надо хлопотать, надо хлопотать.

— Знаю, что надо хлопотать, но какъ?

— Надо знакомиться, надо прикармливать.

— Да какъ прикармливать-то, ежели никого не знаешь!

— А ужъ это бабье дѣло, чтобъ какъ узнать. На это есть маклерши, своего дѣла искусницы. Онѣ сведутъ и познакомятъ.

— То есть свахи, что-ли?

— А хоть-бы и свахи. Пусть шныряютъ и разнюхиваютъ.

Жена махнула рукой и сказала:

— Ты-то только не знаешь, а ужъ давно ходятъ онѣ ко мнѣ. Да что! Никакого толку. И наконецъ, у всѣхъ у этихъ маклершъ главный товаръ купецъ.

— Купца я не желаю. Въ купцѣ я совсѣмъ разочаровался. Что такое купецъ? Въ почетъ онъ полѣзетъ—опять мощну долженъ растрясти. Никакая декорація купцу безъ денегъ не дается. Сколько ужъ ихъ изъ-за почета-то да верхнимъ концомъ внизъ полетѣло! Да вонъ Федоръ Львовичъ. Направо и налѣво кредиторскія деньги жертвовалъ, нахваталъ орденовъ, въ бѣлыхъ штанахъ щеголялъ, призы первые на бѣгахъ бралъ, а кончилъ тѣмъ, что сломалъ рубль, запутался и теперь иногда у человѣка и на извозчика-то не хватаетъ. Прямо ужъ можно сказать, изъ-за почета раззорился. А какой-нибудь инженеръ или докторъ или архитекторъ при казенныхъ мѣстахъ—онъ и лапу себѣ нагрѣваетъ и почетъ ему самъ собой бесплатно идетъ.

— Объ инженерахъ ты не говори. Боюсь я инженеровъ. То и дѣло, что ихъ подъ судъ...

— Ты опять про путейцевъ. А я про военныхъ инженеровъ. Да и путейскіе не страшны. Ну, протянуть его въ судъ—вѣдь ужъ головы не снимутъ, а вся бѣда, что человѣку придется въ отставку выйти или мѣсяцъ ареста отсидѣть. А все-таки карманъ-то у него ужъ набитъ. Вѣдь подъ судъ-то попадаютъ тогда, когда карманъ-то ужъ пооттопырится. Нужно знать жизнь, Лизавета Тихоновна.

— Такъ на инженерный балъ съѣздить, что-ли? спросила жена послѣ нѣкоторой паузы.

— Поѣзжай въ инженерный клубъ. Какъ только будетъ тамъ балъ, мы сейчасъ-же поѣдемъ. Достать входные билеты я всегда могу. И тамъ ужъ надо знакомиться. Знакомиться и къ себѣ приглашать. А маклершъ все-таки не оставлять. Пусть тѣ шныряютъ и отыскиваютъ.

— Да вѣдь вотъ познакомился нынче лѣтомъ на дачѣ съ нами одинъ инженеръ, а ты какъ-то съ нимъ не такъ обошелся.

— Ну, ужъ какой это инженеръ, который триста рублей въ займы просить! мѣсяцъ повертѣлся — и сейчасъ: «пожалуйте триста рублей въ займы».

— Да ежели въ деньгахъ переमेжка.

— А въ деньгахъ перемежка, такъ проси двѣ тысячи, три тысячи, а не триста рублей, не срамись. Нѣтъ, вѣдь ужъ тутъ видна птица по полету. Не такого инженера намъ надо, не о такомъ я говорю.

— И докторъ былъ...—продолжала жена.

— Безъ практики, какой-то прикомандированный. Какъ ты не можешь понять, что намъ нужно!

— Да гдѣ-же такихъ-то возмешь, чтобы съ неба звѣзды хватали.

— Надо искать. Ищите и обрящите. Мнѣ обѣщали прислать маклершу искусницу, у которой всѣ эти доктора и инженеры, ищущіе купеческихъ невѣстъ на перечетѣ. Завтра утромъ она ко мнѣ придетъ и я направлю ее къ тебѣ, а ты ужъ за кофеемъ и чаемъ и разговорись съ ней, потому это дѣло бабье, а не мужское.

— Ну, вотъ и отлично. Такъ за этимъ-то ты меня и призывалъ?

— Вотъ, вотъ... Ну, а теперь и въ самомъ дѣлѣ собирайтесь-ка въ Коммерческій клубъ. Клубъ этотъ хоть и купеческій, но тамъ тоже иногда и инженеръ и докторъ попадается. Надо поналечь на это дѣло. Дѣвки у насъ уже на возрастѣ.

— Такъ я велю карету приготовить.

— Вели.

Жена понажала пуговку электрическаго звонка.

М А К Л Е Р Ш А.

 былъ первый часъ дня. Лакей Куролесовыхъ гремѣлъ уже въ столовой тарелками и ножами, накрывая столъ для завтрака, а Зиночка и Танечка Куролесовы еще спали у себя въ спальнѣ крѣпкимъ сномъ. Ихъ мамаша Лизавета Тихоновна уже нѣсколько разъ приходила къ нимъ въ спальную и окликала ихъ, стараясь разбудить, но тщетно—въ отвѣтъ дѣвушки только что-то мычали съ просонокъ.

— Срамъ эдакій—до перваго часа дня спать! Женехи чуть ворота не сломали, стучавши въ калитку, а вы все еще спите! шутила Лизавета Тихоновна.

— Какой вы вздоръ городите, маменька, откликнулась наконецъ Зиночка.—У насъ у воротъ и ден-

но и ночью сидить дворникъ, такъ неужто онъ позволить кому-нибудь ворота ломать.

— Да и стучаться въ калитку незачѣмъ, потому что калитка всегда открыта, прибавила Танечка, потягиваясь на постели.

— Глупыя вы эдакія! Да вѣдь это только такъ говорится. Это прибаутка такая есть, когда дѣвушки долго спать, отвѣчала Лизавета Тихоновна.

— Не требуется намъ вашихъ прибаутокъ.

Дѣвушки повернулись на другой бокъ и снова заснули. Лизавета Тихоновна вышла изъ спальной дочерей и направилась въ столовую. Тамъ бродилъ уже мужъ ея Емельянъ Ивановичъ, пришедшій изъ своей [торговой конторы, находившейся въ томъ-же домѣ и по той-же лѣстницѣ, гдѣ и ихъ квартира.

— Что это, матушка, какъ у насъ сегодня поздно завтракъ, сказалъ онъ.—Мнѣ сегодня къ часу дня надо быть въ засѣданіи вексельнаго комитета у насъ въ банкѣ, а вы медлите.

— Да вѣдь Зиночка съ Танечкой еще спать,—дала отвѣтъ Лизавета Тихоновна.

— Зиночка съ Танечкой и такъ никогда не выходятъ къ завтраку и до двухъ часовъ дня валяются въ постели, такъ чего-жъ ихъ ждать!

— Все-таки онѣ къ этому времени просыпаются и я посылаю имъ со стола кофей съ булками въ ихъ комнату.

Лакей стоялъ въ вопросительной позѣ.

— Прикажете подавать завтракъ?—спросилъ онъ.

— Да конечно-же подавай,—далъ отвѣтъ Емельянъ Ивановичъ и сѣлъ за столъ.

Сѣла и Лизавета Тихоновна. Завтракъ состоялъ изъ двухъ блюдъ и кофе. Только-что подали второе блюдо, какъ въ прихожей раздался звонокъ. Лакей бросился отворять дверь, черезъ минуту вернулся и доложилъ:

— Варвара Семеновна Ландышева. Онѣ въ гостиной.

— Ну, вотъ это та самая маклерша и есть, о которой я тебѣ вчера говорилъ,—кивнулъ Емельянъ Ивановичъ женѣ.—Мы ее сейчасъ примемъ вмѣстѣ, потому я уйду, а ужъ ты тутъ за кофеемъ съ ней и разговаривай. Проси эту даму сюда...—обратился онъ къ лакею.

Вошла рослая, красивая дама среднихъ лѣтъ. Она была въ черномъ шелковомъ платьѣ, въ золотыхъ браслетахъ и массивной золотой цѣпи, спускающейся отъ брошки у шеи къ поясу, гдѣ были прикрѣплены къ крючку мужскіе золотые глухіе часы. На головѣ ея была бобровая шапочка. При входѣ ея въ столовую хозяева поднялись изъ-за стола.

— Я Варвара Семеновна Ландышева... Меня прислалъ къ вамъ Федоръ Карлычъ Крингель... заговорила она.

— Знаю, знаю, отвѣчалъ, улыбаясь, Емельянъ Ивановичъ. — Очень пріятно познакомиться. Я — Емельянъ Ивановичъ, а вотъ это моя жена Лизавета Тихоновна. Прошу покорно садиться и раздѣлить съ нами трапезу.

— Сѣсть сяду, но завтракать не буду. Я уже дома закусилъ, а потому—благодарю васъ, сказала Ландышева, присаживаясь къ столу.

— Ну, кофейку? предложила хозяйка.—Вотъ сейчасъ кофей подадугъ. Отъ кофею ужъ никто не отказывается. Самый дамскій напитокъ.

— Кофею, пожалуй, выпью. Но прежде всего, такъ какъ вы уже завтракъ кончили, попрошу закурить папирску. Не могу безъ папирсы.

— Сдѣлайте одолженіе. Андріанъ! Принеси изъ кабинета папирсы и спички, приказалъ Емельянъ Ивановичъ лакею.

— Нѣтъ, нѣтъ... Не надо... Я раскольниковъ. Я всегда свои курю, проговорила Ландышева и, вытащивъ изъ кармана шикарный маленькій серебряный портсигаръ и коробочку спичекъ, закурила папиросу.

Произошла пауза. И хозяевамъ и гостѣмъ неловко было начинать разговоръ о томъ дѣлѣ, для котораго пришла гостья. Наконецъ, гостья пересилила себя и сказала:

— По профессіи своей я акушерка и фельдшерница, но я уже предувѣдомлена господиномъ Крингелемъ, что этихъ услугъ отъ меня вы не потребуете...

Она улыбнулась. Улыбнулся и Емельянъ Ивановичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... заговорилъ онъ, стараясь какъ можно болѣе быть любезнымъ.—Мы просто хотимъ съ вами познакомиться, а черезъ васъ и еще кой съ кѣмъ.

— Федоръ Карлычъ Крингель мнѣ намекнулъ, что вы желаете.

— Да, да... прибавила Лизавета Тихоновна.—

Нынче, знаете, какъ-то вообще солидные молодые люди рѣдки, а у насъ дочери растутъ да растутъ.

— Да ужъ хоть-бы и не молодые-то и то рѣдки, произнесъ Емельянъ Ивановичъ.

— Люди-то есть, да общества нѣтъ—ну, и негдѣ имъ встрѣчаться, дала отвѣтъ гостя. —То есть конечно есть клубы, но люди съ положеніемъ ходятъ туда только въ карты играть. Танцовать профессиональному человѣку съ положеніемъ — какъ-то не принято. Нынче танцуютъ только очень и очень молодые люди.

— Даже и тѣ не танцуютъ, а наровятъ усѣсться играть въ винтъ, подхватила Лизавета Тихоновна. — Да вотъ вчера мы были въ коммерческомъ собраніи, такъ, вѣрите-ли, молодые офицеры—и тѣ сидятъ за картами.

— Да, да... Безусый корнетъ вчера винтилъ, подсказалъ Емельянъ Ивановичъ. —А ужъ корнетъ и самимъ Богомъ такъ устроенъ, чтобы ему танцовать. Только наша купеческая молодежь и танцевала.

— У васъ двѣ дочери-то? спросила гостя.

— Двѣ, отвѣчала Лизавета Тихоновна. — Не перестарки обѣ, но ужъ очень хотѣлось бы хоть старшую устроить поскорѣй. Знаете, это такой товаръ...

Емельянъ Ивановичъ подмигнулъ женѣ и сказалъ:

— Ну, это ты потомъ... въ гостиной обѣ этомъ переговоришь съ Варварой Семеновной. Андріанъ! Иди въ кабинетъ и приготовь мнѣ тамъ черный сюртукъ. Я сейчасъ долженъ уѣхать, выслалъ онъ лакея. —Вы ужъ простите меня, Варвара Семеновна...